

22 ноября 2006 г.

Для свободного распространения

---

amnesty international

**Российская
Федерация
Пытки задержанных и
вынужденные «признания»**

**Amnesty International
Индекс МА: EUR 46/056/2006**

INTERNATIONAL SECRETARIAT, 1 EASTON STREET, LONDON WC1X 0DW, UNITED KINGDOM

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	2
Работа правоохранительных органов	5
Определение пытки	7
Запрет пыток и жестокого обращения в международном праве	7
Запрет на применение пыток в российском законодательстве	9
Борьба Amnesty International против пыток	10
Пытки в следственных изоляторах: упор на получение "признаний"	11
Обход гарантий правовой защиты от пыток	13
Доступность юридической помощи.....	14
Доступность независимого врачебного осмотра.....	16
Уведомление родственников о факте задержания	17
Судебная проверка законности ареста	18
Несостоятельность в расследовании.....	21
Боязнь возмездия	23
Слабость превентивных механизмов контроля в масштабе страны.....	25
Посещение следственных изоляторов	25
Посещение изоляторов временного содержания	26
Препятствование работе превентивных механизмов контроля международного уровня	28
Рекомендации российским властям	29

Российская Федерация: пытки задержанных и вынужденные «признания»

Введение

В мае 2002 года Комитет ООН против пыток (КПП) рассмотрел третий периодический доклад Российской Федерации о выполнении страной обязательств в рамках Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Конвенции против пыток). Отметив отдельные позитивные аспекты, КПП выразил глубокую озабоченность, помимо прочего, по поводу *«многочисленных и постоянных заявлений о распространении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в отношении задержанных, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, как правило, с целью получения признания»*.

В этом месяце КПП рассматривает четвёртый периодический доклад, а также успехи, которых удалось достичь Российской Федерации с мая 2002 года, в деле искоренения пыток и других видов жестокого обращения, в том числе в изоляторах временного содержания и местах предварительного заключения.

Очевидно, что государство предприняло определённые шаги в направлении ликвидации систематических пыток и другого жестокого обращения с задержанными, применяемых с целью получения «признания». В частности, в Российской Федерации действует новый Уголовно-процессуальный кодекс (УПК), принятый в декабре 2001 года. В него вошли важные новые положения, направленные на ликвидацию пыток в милиции и следственных изоляторах. Глава вторая УПК РФ посвящена *«принципам уголовного судопроизводства»*, в число которых входят презумпция невиновности, уважение чести и достоинства личности, законность, свобода оценки доказательств, право на защиту и обжалование процессуальных действий и решений, неприкосновенность личности и защита от пыток и других видов жестокого и унижающего достоинство обращения, а также состязательность сторон. Кроме того, УПК РФ содержит другие конкретные положения, призванные установить определённые гарантии правовой защиты против пыток и других видов жестокого обращения.

В частности, статья 75 УПК РФ не допускает использование доказательств, полученных противоправным путём. В ней говорится, что любые доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, не допускаются к рассмотрению при производстве по уголовному делу и не могут быть положены в основу обвинения. К недопустимым доказательствам УПК РФ относит показания подозреваемого или обвиняемого, данные в отсутствие защитника и неподтверждённые подозреваемым или обвиняемым в суде.

К другим важным законодательным инициативам относится указ Президента Путина, подписанный в апреле 2006 года, о передаче всех следственных изоляторов

(СИЗО) из-под юрисдикции Федеральной службы безопасности (ФСБ) в ведение Министерства юстиции, согласно обязательствам России перед Советом Европы.

В то же время, приняты или укреплены административные меры по предотвращению пыток и жестокого обращения. В их числе — некоторое увеличение разрешений на посещения омбудсменами и, в отдельных случаях, представителями неправительственных организаций (НПО), мест временного содержания и СИЗО с целью мониторинга. Отдельные аппараты уполномоченных по правам человека рассмотрели множество жалоб граждан в связи с применением пыток или жестокого обращения.

Достигнуты некоторые успехи в деле отказа от так называемой «обвинительной доктрины»¹ с введением института жюри присяжных во всех регионах за исключением Чеченской Республики. При рассмотрении дел с участием присяжных доказательства, как правило, анализируются более скрупулёзно; эту тенденцию отмечают и российские власти². Таким образом, есть основания утверждать, что прокурор получает меньше шансов добиться обвинительного приговора исключительно на основании «признания» обвиняемого.

В программы подготовки многих сотрудников правоохранительных органов включены некоторые аспекты международного права и стандартов,³ причём в некоторых регионах страны, например, в Приволжском федеральном округе, местные НПО совместно с милицией реализовывают образовательные программы по правам человека и предотвращению жестокости со стороны сотрудников милиции. Кроме того, российские НПО сообщают об увеличении числа уголовных расследований и об отдельных обвинительных приговорах в связи с пытками и жестоким обращением с задержанными, причём по подобным делам приговоры выносятся более суровые.⁴

Несмотря на перемены к лучшему, Amnesty International по-прежнему серьёзно озабочена случаями применения пыток и жестокого обращения в камерах предварительного задержания и следственных изоляторах, а также недостаточностью ответных действий государства, направленных на борьбу с подобными нарушениями. Организация регулярно получает сообщения о пытках и других видах жестокого обращения на территории Российской Федерации.

По задержании лица в качестве подозреваемого по уголовному делу, его, как правило, сначала доставляют в местное отделение милиции и помещают в КПЗ⁵, а затем переводят в ИВС⁶, подпадающий под юрисдикцию Министерства внутренних дел (МВД). Через 72 часа задержанных доставляют в место предварительного заключения или СИЗО⁷, подконтрольный Министерству юстиции, причём на этом этапе следователи вправе ходатайствовать о продлении 72-часового срока. Максимальный срок содержания задержанного в ИВС по закону составляет 10 дней.

Начиная с мая 2002 года, Amnesty International зафиксировала на территории Российской Федерации десятки случаев предполагаемого применения пыток и жестокого

¹ Niels Uildriks and Piet van Reenen “Policing post-communist societies: Police-public violence, democratic policing and human rights”, Intersentia 2003

² Четвёртый периодический доклад Российской Федерации, представленный в КПП ООН, (UN Doc. CAT/C/55/Add.11), 8 апреля 2005 г.; <http://www.ohchr.org/english/bodies/cat/cats37.htm>, параграф 129

³ Там же, параграф 74

⁴ В то же время, поскольку в ходе уголовного судопроизводства по делам о пытках ни одна из статей Уголовного кодекса не применяется, точные и исчерпывающие данные о количестве подобных расследований и приговоров отсутствуют.

⁵ Камера предварительного задержания

⁶ Изолятор временного содержания

⁷ Следственный изолятор

обращения с целью получения «признаний», которые происходили в изоляторах временного содержания и в следственных изоляторах в ходе следствий по обычным уголовным делам. Подобные «признания» составляли основу уголовных дел и использовались как обоснование для осуждения обвиняемых. Только в 2005 году российские НПО зафиксировали не менее 114 случаев возможного применения пыток со стороны сотрудников правоохранительных органов (жалобы заявителей подкреплялись медицинскими документами и другими доказательствами) в 11 регионах России, за исключением Северного Кавказа.⁸ При этом в числе пострадавших оказались не только взрослые, но и несовершеннолетние.⁹

Хотя случаи пыток и жестокого обращения отмечаются на всех этапах предварительного заключения, сведения из некоторых источников подтверждают то, что наиболее остро эта проблема затрагивает КПЗ отделений милиции и ИВС. По свидетельствам многочисленных предполагаемых потерпевших, в кабинетах следователей органов внутренних дел, по-видимому, стоят сейфы, содержащие ряд предметов, которые можно использовать для пыток. В их числе — верёвка, электропровода, телефонные кабели, дубинки, наручники, мешки, одеяла и противогазы. Для избияния задержанных в ход идут даже книги и пластиковые бутылки с водой.

Amnesty International получила ряд свидетельств применения пыток и жестокого обращения в отношении задержанных в следственных изоляторах в то время, когда они менее всего защищены от злоупотреблений: по ночам, в выходные, во время карантина, в начале праздничных дней, при перевозке и по прибытии на новое место содержания под стражей.

В ходе вооружённого конфликта пытки применяются гораздо чаще, и проблемы, которым посвящён настоящий доклад, стоят острее. Особую обеспокоенность организации вызывает систематическое применение пыток к задержанным, содержащимся без права сообщения с внешним миром в неофициальных и непризнанных таковыми местах содержания под стражей на территории Северного Кавказа. Amnesty International стало известно о подобных случаях, имевших место в Чечне, а также в сопредельных республиках — Ингушетии и Северной Осетии. По имеющимся сведениям, в феврале 2006 года Уполномоченный по правам человека в Чечне Нурди Нухажиев заявил, что среди 12 тысяч осуждённых чеченцев, отбывающих наказание в российских тюрьмах, многие приговорены по ложным обвинениям, и поэтому большинство их дел требует пересмотра.¹⁰ В результате расследований по заявлениям о применении пыток виновные практически никогда не несут уголовной ответственности, что способствовало созданию атмосферы безнаказанности в регионе.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Владимир Лукин выразил тревогу по поводу применения пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов в своём докладе за 2005 год. Он заявил:

«Анализ поступивших к Уполномоченному по правам человека жалоб показывает, что около 32% их общего количества составляют жалобы на нарушения прав задержанных, подозреваемых, обвиняемых и потерпевших в ходе производства

⁸ «Альтернативный доклад российских НПО по соблюдению Российской Федерацией Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания за период с 2001 по 2005 г.», май 2006 г., см. <http://www.ohchr.org/english/bodies/cat/cats37.htm>, параграф 12.24

⁹ См., например, АСП 312/04 «Fear of torture / ill-treatment, RUSSIAN FEDERATION: Viktor Knaus (m), aged 15» (индекс МА: EUR 46/061/2004)

¹⁰ <http://www.hro.org/editions/demos/2006/03/02.php>

дознания, предварительного следствия и при проведении оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками органов внутренних дел.

Продолжается рост преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. Особое беспокойство вызывают действия сотрудников милиции, носящие характер пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство человека обращение. По данным неправительственных правозащитных организаций, за последние 10 лет масштабы милицейского насилия значительно выросли. Чаще всего жертвами такого насилия становятся лица, находящиеся в нетрезвом состоянии, молодёжь и подростки, граждане, имеющие “неславянскую внешность”». ¹¹

Работа правоохранительных органов

Закон Российской Федерации «О милиции» 1991 года, принятый в рамках реформы правоохранительной системы после распада Советского Союза, определяет задачи милицейской службы как служение гражданам, обществу и государству. Милиция обязана «защитить жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств» (статья 1). Вместе с тем, в милиции «отсутствуют демократические традиции и знание основных понятий, связанных с правами человека, на ведомственном уровне». ¹²

Перед российским обществом стоит проблема высокого — и постоянно растущего уровня преступности и насилия. По данным МВД, только в 2005 году было зарегистрировано 30 тысяч убийств. ¹³ Такая ситуация представляет серьёзную проблему для милиции, решать которую у неё нет средств. Сотрудники милиции получают относительно низкую зарплату. Они вынуждены трудиться без надлежащего технического оснащения и финансирования, при этом зачастую не имея компьютеров или средств на покупку горючего для оперативных машин. К тому же, они работают в обстановке коррупции, которая стала повседневным явлением. В результате милиционеры нередко оказываются неспособны эффективно осуществлять охрану правопорядка. Нескольким сотрудникам милиции, с которыми беседовала Amnesty International, было хорошо известно о порой весьма негативном восприятии милиции жителями Российской Федерации, которые, в частности, считают, что сотрудники милиции коррумпированы и сплошь и рядом берут взятки. Один из петербургских прокуроров, который, как и большинство его коллег, ранее работал в милиции, рассказал представителям Amnesty International, что ему понятно отсутствие рвения к работе у бывших сослуживцев. Оно, по его словам, вызвано коррупцией, высокой текучестью кадров, при которой сотрудники находят более высокооплачиваемую работу в других сферах, а также тяжёлыми условиями, в которых вынуждены трудиться те, кто всё же решил остаться.

Более того, продвижение по службе, по-видимому, зависит от показателей раскрываемости, а не от количества предотвращённых преступлений и сокращения преступности в целом. Нильс Уйлдрикс и Пиит ван Реенен отмечают: «... Критерии оценки [работы милиции] не только “объёмны и детализированы” ... но и не подлежат

¹¹ Владимир Лукин, «Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2005 году». См. <http://www.ombudsmanrf.ru/doc/ezdoc/05.shtml#e>

¹² Niels Uildriks and Piet van Reenen “Policing Post-communist Societies. Police-Public Violence, Democratic Policing and Human Rights”, Intersentia, 2003, стр. 49

¹³ <http://www.mvdinform.ru/stats/3998/>

широкой публикации. Тем не менее, ясно то, что о качестве работы органов правоохранительных органов, как правило, по-прежнему судят по тому, насколько полно сотрудники выполняют план раскрываемости преступлений».¹⁴

Такое положение дел даёт повод утверждать, что подобный подход ведёт не просто к нежеланию регистрировать заявления о правонарушениях, а к смещению приоритетов: милиция заинтересована не столько в установлении личности и передаче в суд уголовного дела настоящего преступника, сколько в том, чтобы добиться обвинительного приговора или иным образом «раскрыть» дело — лишь оно не значилось «нераскрытым». В 2002 году КПП признал это обстоятельство наиболее проблематичным, поскольку именно оно может привести к применению пыток и подтолкнуть сотрудников милиции к действиям в обход гарантий защиты от пыток, с тем чтобы силой получить «признание», поскольку во многих случаях его одного оказывается достаточно для вынесения обвинительного приговора.

Российские власти признают существование указанных проблем, однако до их решения пока далеко. В начале 2006 года Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Владимир Лукин заявил:

*«Руководство Министерства внутренних дел [МВД] Российской Федерации не отрицает, что со стороны отдельных сотрудников этого ведомства имеют место проявления мздоимства, равнодушия, чёрствости и грубости, зачастую выливающиеся в прямой произвол в отношении граждан, права которых они призваны защищать. К сожалению, меры, предпринимаемые МВД России для укрепления дисциплины и повышения ответственности своих сотрудников, пока не приносят ожидаемого результата. Соккрытие преступлений от регистрации, необоснованные отказы в приёме заявлений о правонарушениях, рукоприкладство сотрудников органов внутренних дел и в истекшем году продолжали оставаться одной из серьёзнейших системных проблем российского общества».*¹⁵

Министр внутренних дел Рашид Нургалиев в прошлом году также признал существование трудных проблем глубинного уровня в правоохранительных органах страны и отметил необходимость серьёзных реформ.¹⁶ Не так давно он заявил о намерении повысить профессионализм милиции и улучшить условия содержания в ИВС.¹⁷ Кроме того, в последнее время приняты и другие меры, по-видимому, направленные на исправление ситуации, такие как повышение окладов сотрудникам МВД, занимающимся расследованием преступлений.¹⁸ Подобные шаги можно только приветствовать, однако учитывая укоренившееся систематическое применение пыток и жестокого обращения, российским правоохранительным органам необходимы глубинные перемены.

¹⁴ Niels Uildriks and Piet van Reenen, стр. 68

¹⁵ Владимир Лукин, 2005 г.

¹⁶ По сообщению радиостанции «Эхо Москвы» 26 октября 2005 г., Рашид Нургалиев сказал, что доказательства по уголовным делам фабрикуются по всей России, и оценил положение в районных отделениях милиции в регионах как «катастрофическое» <http://www.echo.msk.ru/news/275446.html>.

¹⁷ <http://www.mvdinform.ru/about/press/4415/#a02> со ссылкой на статью РИА «Новости» от 23 октября 2006 г.

¹⁸ Приказ Министерства внутренних дел № 79 от 14 февраля 2006 г.

Определение пытки

Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Конвенция против пыток), государством-участником которой является Россия, недвусмысленно поясняет понятие пытки и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения со стороны государственных должностных лиц. Статья 1 содержит следующее определение пытки:

«Для целей настоящей Конвенции определение "пытка" означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия».

Жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение — термин, описывающий целый спектр действий, в том числе телесные или психологические злоупотребления, такие как заключение в тёмную камеру, лишение заключённого возможности удовлетворять основные потребности и иные виды злоупотреблений. Пытка в этом спектре представляет собой высшую степень жестокого и осознанного насилия. При этом не всегда удаётся провести чёткую границу между злоупотреблением, равносильным пытке, и другими видами жестокого обращения. В некоторых случаях, описанных в настоящем докладе, обращение было настолько жестоким, что его, безусловно, можно приравнять к пытке. Например, пережитое Асланом Умахановым (см. стр. 11), которого, по имеющимся сведениям, жестоко избили и подвергли действию электрошока с целью вынудить его «сознаться», несомненно, подпадает под определение пытки, согласно Конвенции против пыток. Тем не менее, независимо от того, подпадают ли описанные в настоящем докладе действия под определение пытки или являются иной формой жестокого обращения, они представляют собой нарушение обязательств Российской Федерации в рамках международного права в области прав человека.

Запрет пыток и жестокого обращения в международном праве

Международное право в области прав человека безоговорочно запрещает любые виды пыток и другого жестокого обращения. Этот запрет закреплён в многочисленных международных договорах и других инструментах и является частью международного обычного права, применимого ко всем государствам, независимо от того, присоединились ли они к конкретным соглашениям, содержащим запрет. Пытки и жестокое обращение недопустимы в какое бы то ни было время и при любых обстоятельствах. Из этого правила нет исключений, и государства не вправе отступить от своих обязательств даже во время действия в стране чрезвычайного положения или по иным причинам.

Статья 5 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, закрепляет согласие государств о том, что никто не должен подвергаться пыткам и жестокому обращению. С 1948 года было принято множество международных и региональных документов в области прав человека, содержащих этот запрет. В их числе — имеющие обязательную юридическую силу международные договоры и конвенции, а также декларации и подобные им инструменты. Последние не обладают обязательной юридической силой договоров, но поскольку были приняты Генеральной Ассамблеей или другим органом ООН, имеют значительный вес и служат выражением твердого согласия государств соблюдать установленные в них стандарты. Статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), принятого в 1966 году, запрещает пытки и жестокое обращение. МПГПП предусматривает учреждение независимого экспертного органа – Комитета по правам человека, который призван контролировать порядок соблюдения государствами-участниками условий Пакта. Статья 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), принятой в 1950 году, запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. ЕКПЧ предусматривает право лиц подавать официальные жалобы в Европейский суд по правам человека в случае нарушения прав, закреплённых Конвенцией. Суд выносит решения, имеющие обязательную силу и обладает полномочием инструктировать государства о выплате компенсации потерпевшим.

Помимо запрета пыток в этих общеправовых правозащитных инструментах, существует целый ряд других инструментов и механизмов, относящихся непосредственно к проблеме пыток и жестокого обращения. Некоторые из них были приняты и усовершенствованы под давлением общественности с помощью таких организаций, как *Amnesty International*. В 1972 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о защите всех лиц от пыток и других видов жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания. В 1984 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Конвенция против пыток). В Конвенции изложены меры, которые необходимо принять государствам для предотвращения пыток и жестокого обращения со стороны государственных должностных лиц. Она имеет обязательную юридическую силу для всех государств, которые её ратифицировали. Кроме того, документ предусматривает создание Комитета против пыток (КПП) в качестве независимого экспертного органа, контролирующего выполнение государствами положений Конвенции. В 1985 году Комиссия ООН по правам человека назначила Специального докладчика по пыткам — эксперта, уполномоченного обращаться к правительствам любых государств, независимо от их участия в конкретных международных соглашениях, в том числе вмешиваться в неотложных случаях. В июне 2006 года вступил в силу Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток, предусматривающий создание механизма независимого мониторинга мест содержания под стражей на международном и государственном уровне.

Кроме инструментов, относящихся непосредственно к пыткам и жестокому обращению, существуют ещё два ключевых международных текста, которые устанавливают стандарты содержания под стражей в целом и предусматривают важные гарантии против пыток и жестокого обращения: Свод принципов ООН защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (Свод принципов ООН) и Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными (Минимальные стандартные правила ООН).

Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, принятая в 1987 году, *Amnesty International*

предусматривает создание комитета экспертов из числа представителей стран-участниц Конвенции — Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП). Члены Комитета уполномочены посещать места содержания под стражей с целью усиления защиты задержанных от пыток и жестокого обращения. ЕКПП опубликовал перечень стандартов, охватывающих основные проблемы, на которые обращают внимание его представители при посещении мест содержания под стражей на территории государств-участников; перечень содержит раздел, посвященный содержанию под стражей в правоохранительных органах.¹⁹

Россия является государством-участником всех вышеперечисленных международных соглашений, за исключением Факультативного протокола к Конвенции против пыток, и следовательно обязана выполнять их положения.

Запрет на применение пыток в российском законодательстве

Ни одна из статей Уголовного кодекса Российской Федерации не отражает в полной мере определение пытки в понимании КПП ООН и ни одна из них не применяется в целях уголовного преследования по фактам применения пыток. Статья 117 УК РФ относит «истязание» к уголовным преступлениям и определяет его как «*причинение физических или психических страданий путём систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями*». Одним из отягчающих обстоятельств при этом является истязание с применением пыток. Определение пытки приводится в примечании к Уголовному кодексу от 8-го декабря 2003 года. В нём говорится, что «*[n]од пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях*». Данная статья предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до семи лет. По всей видимости, статья 117, которая содержит многие элементы определения пытки, изложенного в статье 1 Конвенции ООН против пыток, в то же время не полностью отражает аспект определения Конвенции, касающийся причинения страданий государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, с их ведома или молчаливого согласия.

В любом случае, Amnesty International не располагает сведениями о случаях осуждения должностных лиц по статье 117 за применение пыток. К тому же, о них не упоминается в последнем докладе Российской Федерации, представленном в КПП. Напротив, организации известно о делах, которые возбуждались по другим статьям УК РФ. В их числе — статья 110 («доведение до самоубийства»), статья 111, ч. 3 («умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах»), а также статья 286, чч. 2 и 3 («превышение должностных полномочий» лицом, занимающим государственную должность (ч. 2), и с применением насилия или с угрозой его применения, либо с причинением тяжких последствий (ч. 3)).²⁰

¹⁹ «The CPT Standards: ‘substantive’ sections of the CPT’s General Reports» CPT/Inf/E (2002) 1 в редакции 2006 г., см. <http://www.cpt.coe.int/en/documents/eng-standards-scr.pdf>, стр. 6-16

²⁰ Например, обвинительные приговоры по делам о применении пыток и жестоком обращении в случае Алексея Михеева (стр. 21), Зелимхана Мурдалова и массовой жестокости милиции в Благовещенске (Башкортостан) (стр. 22).

В последнем докладе, представленном в КПП, российские власти привели данные об осуждении лиц по статье 286 УК («превышение должностных полномочий»). В докладе говорится, что в 2002 году по данной статье вынесено 1018 обвинительных приговоров и 946 — в 2003.²¹ Из доклада не ясно, какая доля подобных дел пришлась на случаи применения пыток и жестокого обращения в милиции или местах предварительного заключения.

Борьба Amnesty International против пыток

В центре внимания настоящего доклада — заявления о жестоком обращении и применении пыток сотрудниками милиции при аресте и на этапе предварительного заключения. Кроме того, в нём представлены рекомендации российским властям. В основу документа легли данные исследований Amnesty International, в том числе по итогам недавних поездок на Северный Кавказ (в Ингушетию и Кабардино-Балкарию) в июне 2006 года, а также в Свердловскую, Ростовскую, Ивановскую и Калининградскую области в июле 2006 года. Организация обращала внимание российских властей на проблему пыток и жестокого обращения, а также на некоторые случаи, приведённые в настоящем докладе.

Amnesty International ведёт кампании против пыток и жестокого обращения с 1972 года. Организация разработала программу из 12 пунктов²² с изложением основных практических мер, которые правительствам следует принять для искоренения пыток и жестокого обращения.

Пытки и другие виды жестокого обращения в камерах предварительного задержания в милиции и следственных изоляторах — одна из областей, вызывающих озабоченность организации в контексте общего вопроса о применении пыток и других видов жестокого обращения в России. В 2006 году Amnesty International изложила ряд вопросов, вызывающих обеспокоенность организации, в двух брифингах для КПП: «Russian Federation: Preliminary Briefing to the UN Committee against Torture» (индекс МА: EUR 46/014/2006) и «Российская Федерация: дополнение к брифингу для Комитета ООН против пыток» (индекс МА: EUR 46/039/2006).²³

²¹ Четвёртый периодический доклад Российской Федерации, представленный в КПП ООН, параграф 34

²² «Программа «Международной Амнистии» по предупреждению пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания со стороны представителей органов власти» (индекс МА: АСТ 40/001/2005)

²³ Дополнительную информацию о вопросах, которые вызывают озабоченность организации на Северном Кавказе, относящихся к применению пыток, см.: «Российская Федерация: Чеченская Республика — “нормализация” в чьём представлении?» (индекс МА: EUR 46/027/2004); «Российская Федерация: опасность открытого высказывания. Нападения на правозащитников в ходе вооружённого конфликта в Чечне» (индекс МА: EUR 46/059/2005); «Российская Федерация: нарушения продолжают, правосудие молчит» (индекс МА: EUR 46/029/2005); «Российская Федерация: пытки, «исчезновения» и сообщения о несправедливых судебных процессах на Северном Кавказе» (индекс МА: EUR 46/039/2005).

Пытки в следственных изоляторах: упор на получение «признаний»

Двадцать девятого марта 2006 года милиция задержала юриста Аслана Умаханова, чеченца по национальности, родившегося и выросшего в Екатеринбурге. Умаханова арестовали в подъезде дома, где он проживает. Сотрудники милиции предположительно избили его, а после отвезли в областное Управление по борьбе с организованной преступностью (УБОП), где, по утверждениям, снова избили. Затем его доставили в районную прокуратуру. Брат Умаханова разыскивал его в течение нескольких часов, а затем случайно нашёл в прокуратуре Кировского района. На скулах у Умаханова были ссадины и синяки. Тридцать первого марта Аслана Умаханова доставили к судье Кировского райсуда. Вокруг глаз у него были тёмные синяки, и он попросил судью обратить внимание на то, что его били по лицу и телу в области почек. Как сообщалось, судья не прервал заседание и не распорядился о проведении расследования, а продлил срок предварительного заключения на два месяца. Умаханова отправили в СИЗО в Екатеринбурге. Там его отказались принять из-за следов жестокого обращения без медицинского заключения о том, что задержанный получил побои до доставки в СИЗО. Умаханова отвезли в ИВС на улице Фрунзе, где провели освидетельствование и составили акт о причинении телесных повреждений. СИЗО согласился принять Умаханова только после того, как в ИВС официально зафиксировали следы побоев.

Двенадцатого апреля Аслана Умаханова посадили в машину, заставив стоять на коленях, и вывезли из СИЗО на допрос в штаб УБОП в Екатеринбурге. Там его отвели в кабинет, где находились три должностных лица. Amnesty International располагает копиями документов, в которых содержится санкция и запись о перевозке Умаханова 12-го апреля из СИЗО в УБОП. Эти документы свидетельствуют о том, что следователь Кировской районной прокуратуры, ведущий уголовное дело, запросил и утвердил доставку Аслана Умаханова в УБОП в целях проведения «оперативно-розыскных мероприятий». Из данных путевых листов видно, что Умаханов отсутствовал в СИЗО с 9 часов утра до 4-х вечера.

Вот что рассказал Аслан Умаханов об обращении с ним в течение этого времени. Милиционеры жестоко избивали его, то кулаками, то пластиковыми бутылками, наполненными водой, чтобы заставить подписать «признание». В какой-то момент они положили ему на голову книгу и через неё стали наносить удары по голове. Когда Умаханов закричал, они достали из шкафа одеяло и обернули им голову задержанного. Затем они подсоединили к розетке два оголённых провода и били его электротоком в пятки и в область почек. Кроме того, эти должностные лица, как утверждалось, подвергали его оскорблениям расистского характера. Примерно через шесть часов Умаханов согласился подписать «признание». Достав из шкафа верёвку, они привязали к его левой руке 32-килограммовую гирю и с её помощью притянули его тело и голову к столу. В таком положении он под диктовку написал признание. Затем его заставили несколько раз читать написанное вслух перед видеокамерой, пока не остались довольны. В ходе допроса Аслану Умаханову не позволили воспользоваться помощью адвоката.

Профессиональные и хорошо обученные сотрудники правоохранительных органов должны расследовать преступления, используя при этом различные источники информации, и заранее готовиться к допросу подозреваемого. Собранные ими сведения

затем можно использовать в ходе допроса, наращивая «внутреннее» напряжение у подозреваемого; при этом отпадает необходимость в давлении извне.²⁴

Если сотрудники органов правопорядка не подготовлены надлежащим образом и действуют непрофессионально, они, вероятнее всего, не станут расследовать преступления с помощью разнообразных источников информации. Вместо этого они будут делать излишний упор на сведения или показания, полученные в ходе допросов свидетелей, подозреваемых и обвиняемых.

По всей видимости, именно так и происходит в Российской Федерации. По сообщениям НПО, сотрудники милиции видят в задержанных, подозреваемых, обвиняемых и свидетелях основной источник информации о преступлении. При этом они удерживают под стражей граждан, совершенно не имея данных, обосновывающих необходимость ареста.²⁵ Отсутствие достаточной подготовки к следственным действиям ограничивает способность милиции законно и профессионально вести работу с подозреваемым, что повышает вероятность незаконного применения силы на допросе.²⁶ Милиция может фабриковать доказательства, подтверждающие данные или показания, полученные в ходе допроса. По словам Уполномоченного по правам человека в РФ Владимира Лукина, милиция «нередко фальсифицирует улики».²⁷

Таким образом, существует реальный риск, при котором гарантии защиты против пыток (такие как присутствие на допросе адвоката), снижающие вероятность того, что лицо предоставит сведения или «сознается», будут восприниматься как помеха следствию в целом, а значит, эти гарантии будут стараться обходить, а не соблюдать.

---

²⁴ Understanding Policing: A resource for Human rights activists, Anneke Osse, Amnesty International Nederland, 2006, стр. 175

²⁵ «Альтернативный доклад российских НПО по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания за период с 2001 по 2005 г.», параграфы 11.13-11.15

²⁶ Anneke Osse, стр. 176

²⁷ Владимир Лукин, 2005 г.

Обход гарантий правовой защиты от пыток

*«Комитет [Комитет по предупреждению пыток] придаёт особое значение трём правам лиц, находящихся в заключении по задержанию: праву на то, чтобы о задержании было сообщено третьему лицу по их выбору (члену семьи, другу, консульству); праву на доступ к адвокату и праву требовать медицинского осмотра (помимо любого медицинского осмотра, проведённого вызванным полицией врачом). По мнению Комитета, эти три права являются тремя основными гарантиями от возможного жестокого обращения с задержанными, и эти гарантии должны применяться с самого начала лишения свободы, независимо от того, как оно может быть квалифицировано в соответствующей правовой системе (задержание, арест и т.д.)».*²⁸

*«Каждый задержанный или заключённый под стражу ... незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделённому, согласно закону, судебной властью...»*²⁹

Международные стандарты предусматривают определённые меры защиты от пыток. В частности, основополагающими гарантиями являются право на юридическую помощь, право на медицинский осмотр врачом по своему выбору, а также право родственников на уведомление о факте ареста. Ещё одна мера защиты — пересмотр законности ареста и задержания в суде. Некоторые из этих гарантий предусмотрены новым Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК) и другими законодательными актами.

Подготовка сотрудников милиции в части прав задержанных и гарантий защиты от жестокого обращения явно неудовлетворительна. Высокопоставленный сотрудник правоохранительных органов из одного из институтов Министерства внутренних дел, занимающийся обучением милиционеров, пояснил делегату Amnesty International, что работники милиции, как правило, незнакомы с нормами законодательства и соответствующими оперативными процедурами. Более того, по его словам, они просто не могут знать законодательство, поскольку существует такое количество нормативных актов, что знать и соблюдать их все попросту невозможно. Например, этот сотрудник считает, что право на юридическую помощь изложено в российском законодательстве в таких формулировках, что милиционерам тяжело запомнить эту информацию и применять её на практике. Когда делегат Amnesty International сказал, что некоторые аспекты законодательства следует отнести к «базовым знаниям сотрудников милиции», в том числе право на юридическую помощь, его собеседник продолжал настаивать, что всё это слишком сложно запомнить и применять на практике.³⁰

Вместе с тем, Amnesty International беспокоит то, что гарантии против пыток, предусмотренные нормами международного и российского права, во многих случаях целенаправленно обходят в целях применения пыток и других видов жестокого обращения, особенно учитывая ту важность, которую органы милиции придают «явке с повинной» при расследовании преступлений.

²⁸ Фрагмент 2-го общего доклада Комитета [CPT/Inf (92) 3], параграф 36, <http://www.cpt.coe.int/en/documents/eng-standards-scr.pdf>

²⁹ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, ст. 5(3)

³⁰ Беседа высокопоставленного сотрудника правоохранительных органов в одном из институтов Министерства внутренних дел с делегатом Amnesty International, 29-го июня 2006 г.

Гарантиями правовой защиты против пыток, предусмотренными законодательством, систематически пренебрегают на Северном Кавказе. Более того, подобные меры неспособны служить эффективной защитой от пыток и других видов жестокого обращения в случаях, когда задержанные попадают в неофициальные или незаконные места содержания под стражей, либо когда факт их задержания никак не признан. Что касается непрекращающегося второго вооружённого конфликта в Чечне, представители Amnesty International опросили многих мужчин и женщин из Чеченской Республики в ходе визитов в регион в 2000, 2001, 2004, 2005 и 2006 годах. Жители республики рассказали о применении к ним пыток и жестокого обращения в различных неофициальных местах содержания под стражей, где какие бы то ни было гарантии защиты попросту отсутствовали.

Доступность юридической помощи

Статья 16 УПК РФ гарантирует право лица, подозреваемого или обвиняемого в преступлении, на помощь защитника. Статья 49 УПК оговаривает ряд обстоятельств, при которых участие адвоката в уголовном деле является обязательным. В их число входит момент фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, и момент вынесения постановления о привлечении лица к делу в качестве обвиняемого. Статья 50 УПК РФ гарантирует право на выбор адвоката гражданином или другими лицами с его согласия. Правила внутреннего распорядка ИВС и СИЗО оговаривают право содержащихся там лиц на встречу с адвокатом.

В действительности, сотрудники милиции и следователи, по-видимому, прибегают к различным способам лишения задержанных возможности получить юридическую помощь.

Один из таких способов сводится к задержанию граждан под предлогом административного правонарушения.³¹ По всей видимости, милиционеры имеют ещё худшее представление о правах лиц, задержанных в административном порядке. Они утверждают, что таким задержанным помощь адвоката не положена вовсе.³²

Другой подход — допрос подозреваемых и обвиняемых с использованием процедур, которые, очевидно, обходят гарантии защиты от пыток, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом. При этом сотрудники правоохранительных органов полагают, что в адвокате «нет необходимости». Подобные процедуры имеют различные названия, такие как «следственные действия», «оперативные мероприятия», «разговор» или «беседа», и для них задержанных доставляют в милицию. Адвокату о перевозке даже не сообщают, и тем более не позволяют ему присутствовать на допросе. Именно во время таких допросов граждан пытаются либо жестоко обращаются с ними. По всей видимости, так произошло в случае Аслана Умаханова (см. стр. 11).³³

Третий способ — помещение задержанного на так называемый «карантин», которым затем мотивируют отказ во встрече с защитником. В правилах внутреннего распорядка ИВС и СИЗО определение карантина не приводится, и не оговариваются

³¹ Подтверждено сотрудником правоохранительных органов из института МВД

³² Беседа высокопоставленного сотрудника правоохранительных органов в одном из институтов МВД с делегатом Amnesty International, 29 июня 2006 г.

³³ Дополнительную информацию см.: «Российская Федерация: дополнение к брифингу для Комитета ООН против пыток» (индекс МА: EUR 46/039/2006), стр. 3

сроки его действия. К тому же, прокуратура и суды практически не контролируют применение данной меры.

Вновь прибывших в СИЗО помещают на карантин. В течение этого времени они проходят медицинское освидетельствование и распределяются по камерам. Адвокат защиты из Екатеринбурга сообщил Amnesty International, что срок карантина полностью оставлен на усмотрение администрации СИЗО и в действительности может длиться целую неделю, в зависимости от числа вновь прибывших.

Четвёртый способ обхода гарантий защиты заключается в том, что подозреваемых и обвиняемых переводят в помещения на территории колоний, функционирующие в режиме следственных изоляторов (ПФРСИ), которые предназначены для разгрузки СИЗО.³⁴ Тем не менее, они создают дополнительные сложности для адвокатов, желающих встретиться с клиентами. После перевода в ПФРСИ подозреваемого, как правило, содержат на карантине. В это время ему не разрешаются свидания, в том числе с адвокатом. Даже после снятия карантина для подобных встреч необходимо разрешение начальника колонии.

Использование ПФРСИ, расположенных на территории колоний, ведёт к тому, что подозреваемые и обвиняемые контактируют с заключёнными. При этом поступают многочисленные сообщения о пытках в отношении подозреваемых и подследственных со стороны осуждённых при попустительстве властей. Особенно часто это происходит непосредственно по прибытии, во время содержания на «карантине» без права сообщения с внешним миром. Несмотря на то, что, по сведениям из источников минюста, введение судебной санкции на арест в 2002 году сократило переполненность СИЗО примерно на 30 процентов, приказ о ПФРСИ по-прежнему остаётся в силе.

Колония общего режима УЩ 349/2 в центре Екатеринбурга, насколько известно, до недавнего времени использовалась под изолятор временного содержания, где к подозреваемым мужского пола применяли пытки. УЩ 349/2, известная как ИК-2, имеет общую стену с главным СИЗО Свердловской области — УЩ 349/1. Позади этих учреждений расположен Свердловский областной суд.

ПФРСИ на территории колонии ИК-2, где содержатся подследственные, расположены в штрафном изоляторе, достаточно далеко от основного здания. Amnesty International располагает сведениями о примерно 30 подозреваемых-мужчинах, которых доставили туда в период между 2004 и 2006 годами, после того как они решили воспользоваться своим конституционным правом на молчание в ходе следствия по их делам.³⁵ Организация получила эти сведения во время шестидневного визита в Екатеринбург; истинная цифра, несомненно, выше.

Попав в помещения ИК-2, задержанные оказались под сильным психологическим давлением со стороны следователей, требовавших от них подписать «признание». Меры давления включали угрозы, что их избьют, изнасилуют либо убьют и что их родных арестуют и будут держать в качестве заложников, пока подследственные не подпишут требуемые бумаги. По сообщениям задержанных, подтверждения которым Amnesty International нашла в рассказах свидетелей и местных адвокатов, следователи прибегали к помощи заключённых, чтобы «ускорить» ход расследования, в обмен на дополнительные свидания с родственниками, а иногда и условно-досрочное освобождение. В частности, осуждённым предоставляли свободный доступ к подозреваемым,

³⁴ Учреждены приказом Министерства юстиции от 1997 г. дополнительно к Федеральному закону от 15 июня 1996 г. № 73-ФЗ.

³⁵ Статья 51 Конституции Российской Федерации.

содержащимся в одиночном заключении в штрафном изоляторе, где, как сообщалось, они нередко избивали и насиловали подозреваемых. Осуждённым разрешали входить в камеры к подозреваемым в любое время дня и ночи, при этом им, очевидно, были известны подробности дел подследственных. Задержанные подвергались групповым побоям, причём заключённых в группе могло быть до шести человек. Удары наносили, как правило, кулаками, ногами, скрученными мокрыми тряпками, резиновыми дубинками и палками. Некоторые из пострадавших описали помещение, где, как утверждалось, насиловали подозреваемых. По их словам, это небольшая комната с металлическим столом с фиксаторами для рук и ног, ножки которого вбетонированы в пол. Изнасилования производились половым членом и палкой. Кроме того, осуждённые заключённые работали в больничном блоке колонии.

Представители Amnesty International ознакомились со свидетельствами о переломах пальцев, локтей и ног, а также смотрели фотографии глубоких ссадин, порезов и синяков на спине, груди, предплечье, лодыжках, стопах и под глазами задержанных, которые, по их словам, нанесли заключённые в ИК-2. Кроме того, представители организации осмотрели рубцы от ран на животе одного из задержанных, которые он нанёс себе лезвием, безуспешно пытаясь попасть в больницу и спастись от дальнейших истязаний.

По всей видимости, проявления жестокости чаще всего происходят вскоре после доставки подозреваемых в ИК-2. Как «новоприбывших», их помещают на карантин и отказывают в свидании с адвокатом защиты. По свидетельствам бывших задержанных, изнасилование или угроза изнасилованием оказывались крайней мерой давления, которая вынуждала их подписать заявление об отказе от услуг адвоката или, по крайней мере, одно признательное показание, либо то и другое.

Активисты из Екатеринбурга, отстаивающие права заключённых, утверждают, что после серии беспорядков в ИК-2 в 2006 году сократилось число случаев применения пыток к задержанным со стороны осуждённых. Amnesty International не может подтвердить эти заявления и озабочена всеми аспектами содержания подозреваемых в колонии.

Доступность независимого врачебного осмотра

Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) Российской Федерации не предусматривает статьи, которая гарантировала бы возможность осмотра задержанных в КПЗ или ИВС независимым врачом. При переводе задержанного в следственный изолятор (СИЗО) (как правило, когда ему уже предъявлены обвинения), российское законодательство предусматривает медицинский осмотр дежурным врачом или фельдшером. Однако в нём отсутствует положение, позволяющее требовать осмотра врачом по своему выбору в милиции или СИЗО.

Amnesty International обеспокоена тем, что отсутствие положения, предусматривающего независимый медицинский осмотр во время содержания в КПЗ, ИВС или следственном изоляторе, мешает гражданам и их адвокатам собирать факты в доказательство заявлений о применении пыток.

Как утверждают, Акрамата Гамботова неоднократно избивали и пытали во время содержания под стражей во Владикавказе (Северная Осетия). Гамботов по национальности ингуш; он и его родные были перемещены из Пригородного района Северной Осетии после произошедшего там конфликта в 1992 году. Двадцать первого

октября 2005 года Гамботова задержали на территории Ингушетии и доставили во Владикавказ. Там ему предъявили обвинения в преступлениях, связанных с террористической деятельностью, а именно — в «бандитизме» и ношении огнестрельного оружия (статьи 209 (ч. 2) и 222 УК РФ).

По сведениям Amnesty International, в период с января по июнь 2006 года Гамботова по приказу следователя, ведущего его дело, неоднократно возили на допрос в Управление по борьбе с организованной преступностью во Владикавказе (Северная Осетия), не сообщая об этом его адвокату. Там сотрудники отдела предположительно подвергали Гамботова физическому насилию и унижению, чтобы «подготовить» его к подписанию протокола в присутствии адвоката. Как утверждалось, следователь прокуратуры по делу Гамботова по крайней мере однажды присутствовал при жестоком обращении с ним. Сообщалось, что 20-го января Гамботов весь день пробыл в Управлении по борьбе с организованной преступностью. Там его, предположительно, били, пытали и унижали. Когда вечером его снова привезли в СИЗО во Владикавказе, дежурный охранник, как утверждают, не хотел принимать Гамботова из-за его состояния. Двадцать шестого января Гамботова вновь на целый день увезли в управление, где, по утверждениям, его опять пытали, предположительно, чтобы «подготовить» к официальному допросу, который был назначен на следующий день.

В январе адвокат Гамботова подал официальную жалобу по поводу обращения с его клиентом, а также запрос о проведении медицинского осмотра в присутствии адвоката. Несмотря на это, тюремные врачи провели освидетельствование только в июле или августе. Адвокат при этом отсутствовал. В ходе осмотра следов пыток обнаружено не было. По словам адвоката, прокуратура решила не возбуждать официальное дело по факту предполагаемого применения пыток. Адвокат не опротестовал данное решение, поскольку без медицинского заключения о пытках получить положительный результат по подобной жалобе будет весьма сложно. На момент написания настоящего доклада, Гамботов оставался под стражей.

Уведомление родственников о факте задержания

В статье 96 УПК РФ говорится, что родственников надлежит уведомлять о факте задержания в течение 12 часов с момента задержания. Данное положение не выражает однозначно необходимость сообщать родственникам о местонахождении задержанного. Статья допускает исключение с санкции прокурора в интересах тайны следствия и только в том случае, если задержанному лицу 18 или более лет. Крайнего срока, до которого родственников следует извещать о факте задержания при любых обстоятельствах, при этом не оговаривается, что противоречит рекомендации Специального докладчика ООН по пыткам в том, что при любых обстоятельствах родственникам следует сообщать о задержании в течение 18 часов.³⁶

На деле же правило 12-ти часов во многих случаях не соблюдается. По сведениям аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в четырёх из 23 ИВС, мониторинг которых вёлся в период с 16-го декабря 2005 по 28 мая 2006 года, родственников не уведомляли о факте задержания в течение 12 часов.³⁷

Согласно статье 425 УПК РФ, детей младше 16 лет разрешается вызывать для допроса в качестве свидетелей или подозреваемых только с ведома и согласия родителей.

³⁶ E/CN.4/2003/68, параграф 26(g)

³⁷ Отчёт о проведении мониторинга соблюдения прав человека в изоляторах временного содержания в субъектах Российской Федерации, http://www.ombudsmanrf.ru/doc/vistup8/k20_10_06.shtml

При этом на допросе обязательно должен присутствовать родитель, педагог, социальный работник либо другой взрослый. Это положение также нарушалось.

Пятнадцатилетнего «Сергея» (имя вымышленное) задержали в Ростовской области в июне 2006 года без ведома родителей. Как утверждают, его пытали, чтобы он «признался» в краже серёжек у девушки. У «Сергея» было алиби, письменно подтверждённое тремя свидетелями, которое доказывает то, что в момент преступления он находился в другом районе.

В день задержания к нему домой, предположительно, явился местный предприниматель и спросил «Сергея». Поскольку родные были знакомы с женщиной, они отправили с ним «Сергея» вместе с одним из младших братьев, который через 15 минут прибежал и сообщил, что двое мужчин в штатском поджидали его у предпринимателя дома. Они сообщили, что являются работниками милиции, но при этом не представились. Мужчины увезли «Сергея» в отделение милиции в Ростове-на-Дону.

Подросток рассказал, что его отвели в кабинет и заперли дверь. Его ударили, а затем заломили ему правую руку за правое плечо, а левую за спину, и надели наручники. По имеющимся данным, должностные лица спросили у «Сергея», крал ли он серёжки, а когда он ответил нет, принялись бить и пинать его, перебрасывая друг другу, как мяч. В течение двух часов его били по груди, спине и ногам. Дважды ему на голову надевали противогаз и перекрывали воздух. Каждый раз «Сергей» чувствовал, что задыхается, и терял сознание.

Как утверждалось, должностные лица заставили его подписать «признание», в котором говорилось, что он украл серёжки. Приставив нож, они предупредили подростка, чтобы тот никому не рассказывал об этом разговоре, иначе ему «не жить». Затем его отвезли на место, где, по заявлению, произошла кража серёжек, и предложили опознать «соучастников». Он так и сделал, чтобы только спастись от истязателей. В 10 часов вечера его отпустили домой.

На следующий день родители «Сергея» отвели его на медицинское освидетельствование, которое подтвердило, что полученные им травмы, по-видимому, нанесены «твёрдым тупым предметом». Amnesty International располагает копией заключения, а также фотографиями побоев через три дня после допроса.

Судебная проверка законности ареста

Согласно статье 108 нового УПК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления применяется по решению суда, а не прокуратуры (ранее это входило в обязанности прокуратуры). В соответствии с требованиями законодательства, пересмотр ареста или задержания в суде производится в течение 48 часов с момента первоначального задержания.

На первый взгляд, наиболее своевременным и эффективным путём для официального заявления задержанного о применении к нему пыток, должен быть суд, который рассматривает вопрос о продлении срока предварительного заключения. Amnesty International получила сведения, которые заставляют предположить, что практическое применение властями этого аспекта реформы в некоторых случаях лишает задержанных права на полноценную защиту, которая предусмотрена гарантиями в виде судебного надзора за порядком содержания под стражей. Это приводит к тому, что суд выносит постановление о продлении срока задержания и предлагает задержанному «подать жалобу», даже когда на его теле видны следы жестокого обращения. Организация

озабочена тем, что не обладающая полной независимостью судебная власть, такая как в Российской Федерации, с наименьшей вероятностью отклонит заявления о возвращении подозреваемых и обвиняемых под стражу, даже при наличии у них следов пыток. По всей видимости, судебная власть в России на сегодняшний день не способна выполнить свою функцию в части эффективных ответных действий на любые заявления о применении пыток. Несмотря на законодательную реформу и программы подготовки судей, многие из них, по-видимому, не пользуются предоставленными им полномочиями по причине политического давления со стороны прокуратуры либо из-за нежелания изменить привычную практику.

Неспособность правоохранительных органов вести точные записи о задержаниях, в результате чего задержанный проводит 48 или даже 72 часа под стражей перед тем, как впервые предстанет перед судьёй, также подрывает эффективность гарантии безотлагательной судебной проверки законности ареста. При этом задержанные дольше подвергаются жестокому обращению, а заметные следы жестокого обращения успевают зажить. Кроме того, для того чтобы искусственно продлить 48-часовой срок, применяется административный арест.

Алексея Дудина арестовали дома в Екатеринбурге 15-го марта 2004 года. Арест произвели сотрудники оперативно-розыскного бюро (ОРБ), которые доставили его в Ленинский райондел (РОВД) для допроса в связи с похищением и убийством, произошедшими в городе. Затем его привезли в ИВС на улице Фрунзе.

Дудин рассказал Amnesty International, что в течение двух недель сотрудники ОРБ и милиции ежедневно возили его из ИВС на допросы в кабинет, расположенный на третьем этаже здания Ленинского РОВД. Там его пытали, принуждая «сознаться» в совершении преступления. Кроме того, его перевели в ИК-2, где он разрезал себе живот в знак протеста против содержания в одиночном заключении.

Дудину обязаны были предоставить возможность встретиться с адвокатом и связаться с родственниками с момента задержания, однако в течение двух недель ему отказывали во встрече с адвокатом, а родным разрешили увидеться с ним только через шесть месяцев, когда другого человека, как сообщалось, вынудили «признаться» в совершении преступления.

В течение двух дней с момента задержания Дудину обязаны были обеспечить возможность предстать перед судьёй и пожаловаться на жестокое обращение, однако этого не произошло. Когда ему позволили ознакомиться с материалами дела, Дудин заметил, что запись в документах подделана: в деле датой задержания значилось 26 марта 2004 года — на 11 дней позже, чем на самом деле. Когда он рассказал судье о том, что с ним произошло, судья не прервал заседание и не распорядился о расследовании его утверждений, а просто сказал: «Пишите жалобу».

Amnesty International стало известно о случае, когда суд вынес решение о законности задержания двух человек в их отсутствие в зале суда, несмотря на то, что они содержались под стражей. Им просто вручили копии решения суда.

Кроме того, гарантия защиты в виде пересмотра судьёй законности ареста, при которой задержанный также получает возможность подать жалобу в связи с жестоким обращением, становится менее эффективной, если он опасается дальнейших пыток и жестокого обращения в отместку за жалобы. Возникновение подобной ситуации особенно вероятно, если на этом судебном заседании интересы лица представляет государственный защитник, а не адвокат, нанятый родственниками. Зачастую родственникам удаётся пригласить независимого адвоката только тогда, когда задержанным уже предъявили

официальные обвинения и перевели в СИЗО. На этом этапе задержанные с большей готовностью заявляют о том, что к ним применяли пытки или иное жестокое обращение в КПЗ и ИВС. До перевода в СИЗО задержанных вполне законно разрешается удерживать в КПЗ и ИВС до 10 дней, не предъявляя обвинений. Amnesty International известны случаи, когда даже пребывая в СИЗО, граждане опасались перевода в милицию и применения пыток или жестокого обращения в отместку за жалобу либо за то, что отозвали «признание».

Несостоятельность в расследовании

Прокуратура – орган, отвечающий за расследования по заявлениям о применении пыток и других видов жестокого обращения к задержанным со стороны милиции. Прокуратура осуществляет свою деятельность в тесном сотрудничестве с работниками милиции из службы Департамента собственной безопасности МВД, которые проводят следствия по делам о преступлениях, совершённых сотрудниками милиции. Несмотря на расследования по фактам пыток и уголовное преследование виновных (см. стр. 3 и 10), в отношении которых в некоторых случаях были вынесены обвинительные приговоры, данные многочисленных исследований правозащитных организаций свидетельствуют о систематической несостоятельности прокуратуры обеспечить эффективные средства правовой защиты в случае нарушений ряда прав, гарантированных конституцией и положениями соглашений о правах человека, государством-участником которых является Россия. К таким случаям относятся пытки и жестокое обращение со стороны милиции. В подобных обстоятельствах прокуратура нередко отказывается рассматривать серьёзные заявления о насилии либо не проявляет должной энергичности при ведении расследований, в результате чего виновным удаётся избежать уголовной ответственности. Российские НПО сообщают: «Так, из 76 обоснованных сообщений о пытках (при наличии медицинских документов и иных доказательств, подтверждающих версию заявителя), зарегистрированных правозащитными организациями в [ряду] регионов в 2002 году, официальное расследование установило факт преступления и виновных только в 20 случаях. В 2003 году официальное следствие установило факт пытки по 11 из 154 дел; в 2004 году – по 47 из 199 дел; и, соответственно, в 2005 году – по 33 из 114 дел».³⁸

Российские власти сами признают малое число обвинительных приговоров по делам о применении пыток, возбуждённым по заявлениям граждан. При этом они приходят к заключению, что низкие показатели осуждений указывают скорее на незначительное число нарушений, а не на упущения на этапе расследования.³⁹

Одна из проблем кроется в структурной организации прокуратуры: в её обязанности входит как проведение расследований и уголовное преследование по делам о тяжких преступлениях, так и надзор за законностью действий должностных лиц. Подобная двойная роль означает, что в ведении одной и той же прокуратуры находится как расследование по заявлению о применении пыток, так и следствие, в ходе которого, предположительно, применяли пытки, что идёт вразрез с обязательным требованием о независимости и беспристрастности расследования. Например, перевод задержанных из СИЗО в помещения, функционирующие в режиме следственного изолятора (ПФРСИ), осуществляется по официальному запросу и с разрешения прокуратуры. Следовательно, прокуратура не способна обеспечить эффективное рассмотрение жалоб лиц, которые подверглись пыткам в ПФРСИ.

В ряде постановлений, вынесенных за прошедший год не в пользу России, Европейский суд по правам человека указал на серьёзные упущения со стороны прокуратуры в части ответных действий по заявлениям о применении пыток к задержанным со стороны милиции. Например, в решении по делу «Михеев против России» Европейский суд отметил, что эффективное расследование должно быть

³⁸ «Альтернативный доклад российских НПО по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания за период с 2001 по 2005 г.», параграф 12.24

³⁹ Четвёртый периодический доклад Российской Федерации, представленный в КПП ООН, параграф 131
Amnesty International *Индекс МА: EUR 46/056/2006*

тщательным, целесообразным и независимым. Кроме того, суд пришёл к выводу о наличии ряда «*весьма серьёзных недостатков..., особенно в ходе следствия*» и сделал заключение, что расследование нельзя признать «*компетентным и в достаточной мере эффективным*».

В сентябре 1998 года Алексея Михеева задержали и подвергли пыткам в отделении милиции Нижнего Новгорода, чтобы заставить его сознаться в совершении вымышленного преступления. Спасаясь от пыток, Михеев выпрыгнул из окна отделения, в результате чего получил перелом позвоночника. Уголовное дело по факту применения пыток и жестокого обращения в отношении Михеева возбуждали и закрывали более 20 раз. Зампрокурора областной прокуратуры, который занимался делом о пытках, одновременно вёл первоначальное уголовное дело, в связи с которым задержали Михеева. По имеющимся сведениям, этот же зампрокурора ничего не предпринял, когда Михеев рассказал ему о пытках.

Когда граждане пишут в Генеральную прокуратуру, утверждая, что к ним применяли пытки, а местные органы прокуратуры при этом бездействуют, Генпрокуратура обычно передаёт жалобу в прокуратуру того же региона. Европейский суд по правам человека рассмотрел дело «Менешева против России». Заявительница (молодая женщина) сообщила о том, что в 1999 году её задержали в порядке административного ареста и допрашивали в качестве свидетеля. В ходе допроса её избили и угрожали изнасилованием. Европейский суд выявил серьёзные упущения в расследовании по делу о незаконном задержании и жестоком обращении, которое возбудили лишь спустя четыре года после описываемых в жалобе событий и только после того, как дело привлекло внимание российских властей в связи с его рассмотрением в Европейском суде. Заявительница подала жалобу в ростовскую городскую прокуратуру, однако её передали в местные органы прокуратуры, причём тот же сотрудник, который присутствовал в отделении милиции в день задержания женщины, принял решение не возбуждать дело.⁴⁰

Тем не менее, существуют и исключения. Например, в нашумевшем деле о массовых избиениях граждан милицией в городе Благовещенске (Республика Башкортостан) в декабре 2004 года Генеральная прокуратура с самого начала взяла следствие под свой контроль ввиду отсутствия уверенности в том, что республиканская прокуратура сможет эффективно расследовать случившееся.⁴¹

В 2005 году Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) опубликовала заключение касательно российской прокуратуры, выразив обеспокоенность в связи с тем, что прокуратура представляет собой чрезвычайно крупный и наделённый слишком широкими полномочиями орган, выполняющий функции других учреждений. Кроме того, по мнению Комиссии, прокуратуре не хватает прозрачности, и она чрезвычайно подвержена политическому влиянию. Согласно выводам Комиссии, институт прокуратуры нуждается в значительном реформировании, в результате которого большую часть его функции следует передать судам и институту уполномоченных по правам человека.⁴²

⁴⁰ «Менешева против России», (жалоба № 59261/00), 9 марта 2006 г.

⁴¹ См. Amnesty International, «Concerns in Europe and Central Asia: July - December 2004» (Индекс МА: EUR 01/002/2005)

⁴² Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), Заключение о Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», принятое Комиссией на 63-м пленарном заседании (Венеция, 10-11 июня 2005 г.), Страсбург, 13 июня 2005 г. CDL-AD(2005)014, Заключение № 340/2005
Amnesty International *Индекс МА: EUR 46/056/2006*

Правозащитные организации начали обращаться в суд с жалобами по поводу неспособности прокуратуры надлежащим образом расследовать заявления о произвольных задержаниях и пытках. Иногда им удаётся добиться успеха, однако выигранное дело отнюдь не гарантирует, что прокуратура возобновит расследование с большей эффективностью.

Боязнь возмездия

Расследования по фактам применения пыток менее вероятны, если лицам, требующим справедливости, грозят карательные меры. Amnesty International зафиксировала тревожные случаи, когда в отношении заявителей, обратившихся в российские суды либо Европейский суд по правам человека с жалобами на пытки или жестокое обращение, совершались акты возмездия. Известны также случаи давления на независимых защитников, представляющих интересы лиц, предположительно, пострадавших от пыток.

По имеющимся сведениям, 27-го июня 2005 года более 500 заключённых исправительной колонии города Львова (Курская область) нанесли себе ранения, выражая протест против условий содержания и побоев. Когда администрация колонии отказалась передать жалобы заключённых по поводу побоев в прокуратуру, они в знак протеста стали резать себе руки, животы и шеи лезвиями, а также глотать металлические предметы либо вгонять их в тело.

Насколько известно, 4-го июля 2005 года начальника колонии и двух его заместителей сняли с занимаемых должностей по итогам официального расследования. Сообщалось, что как минимум двое обратившихся с жалобами к российским властям и в Европейский суд по правам человека подверглись запугиванию, им также угрожали пытками в связи с жалобами.

Организация получила информацию о препонах, которые муниципальные власти Благовещенска (Башкортостан) чинили в расследовании массовых избиений, в том числе запугивая пострадавших.

Как сообщалось, районная прокуратура в течение двух месяцев отказывалась проводить медицинское освидетельствование пострадавших, а также всячески препятствовала тем, кто добивался независимой медицинской экспертизы в Башкортостане. Кроме того, на пострадавших, предположительно, оказывалось давление с целью заставить их отозвать жалобы. По имеющимся данным, местную газету «Зеркало» закрыли после того, как редколлегия отказалась подчиниться требованию владельца и прекратить освещение событий. Сообщалось об увольнении с работы госслужащего, подавшего иск против властей в связи с предполагаемым произвольным задержанием и жестоким обращением в отношении его 16-летнего сына.

Несмотря на то, что в результате спецоперации милиции пострадали сотни человек, только 30 из них обратились с жалобами на действия милиционеров.⁴³

Amnesty International беспокоит тот факт, что прокуратура нарушает право на юридическую помощь в случаях, когда защитники, действуя в рамках своих профессиональных обязанностей, подавали жалобы от лица клиентов, которые заявляли о применении к ним пыток и жестокого обращения. Статья 56 (ч. 3.2) УПК РФ гласит, что «адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого [не подлежит допросу в качестве свидетеля] об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с её оказанием». В то же время, данное положение применялось с целью отстранения защитников от дела.

В ноябре 2005 года в Кабардино-Балкарии отстранили от дел трёх защитников четырёх молодых людей, задержанных после нападения вооружённой группировки на город Нальчик в октябре 2005 года. Одним из отстранённых адвокатов была Ирина Комисарова, защищавшая Расула Кудоева. Как утверждалось, в октябре 2005 года Кудоева пытали, когда он содержался под стражей в Управлении по борьбе с организованной преступностью в Нальчике. Основанием к отстранению адвокатов от дела послужило то, что их вызывали на допрос в прокуратуру в связи с официальными жалобами, которые они направили властям от лица подзащитных, заявивших о применении к ним пыток и жестокого обращения. Прокуратура постановила, что, поскольку адвокаты фигурируют в качестве «свидетелей» в уголовных делах подзащитных, они не вправе далее защищать их интересы, и задержанным следует назначить новых защитников. МВД Республики впоследствии возбудило гражданский иск в отношении Комисаровой по обвинению в клевете. МВД утверждало, что приписываемые ей заявления в газетной статье о применении к подзащитному пыток не соответствуют действительности и наносят ущерб профессиональной репутации МВД. Позже гражданский иск был отозван.

---

⁴³ На данный момент по делу о событиях в Благовещенске к ответственности привлечён только один работник милиции, занимающий рядовую должность. В сентябре 2005 года его приговорили к трём годам лишения свободы условно за «превышение должностных полномочий» во время спецоперации. На момент написания доклада в ноябре 2006 года на рассмотрении в суде находились дела ещё семи работников милиции. См. Amnesty International, «Concerns in Europe and Central Asia: January – June 2006» (Индекс МА: EUR 01/017/2006).

Слабость превентивных механизмов контроля в масштабе страны

Российским органам, проводящим инспекции изоляторов временного содержания (ИВС) и следственных изоляторов (СИЗО) и действующим в общегосударственном масштабе, пока не удалось эффективно предотвращать пытки и обеспечивать защиту задержанных. Государственной структурой, которая обладает реальными полномочиями посещать указанные места лишения свободы без предварительного уведомления и регулярно осуществляет подобные проверки, является прокуратура. Как говорилось выше, такой механизм нельзя считать независимым (не зависящим от органов правопорядка и исполнительной власти), что ставит под вопрос эффективность прокуратуры в деле предотвращения пыток. С другой стороны, федеральный и региональные уполномоченные по правам человека, которые также посещают места лишения свободы, обладают большей независимостью, но ограничены в полномочиях. В свою очередь, неправительственные организации вовсе не имеют официальных полномочий.

В сентябре 2003 года Государственная дума приняла в первом чтении проект закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных объединений в их деятельности»⁴⁴. Его цель заключается в усилении надзора за местами лишения свободы. Второе чтение законопроекта с тех пор уже дважды откладывалось. Насколько известно Amnesty International, каких-либо формальных оснований для отсрочки второго чтения нет.

Посещение следственных изоляторов

Следственные изоляторы (СИЗО) находятся в ведении Министерства юстиции. Правовые нормы, регламентирующие посещение СИЗО представителями различных органов, изложены в Уголовно-исполнительном кодексе и федеральном законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Закон приводит перечень учреждений, которым разрешено посещение исправительных колоний и следственных изоляторов без специального на то разрешения.⁴⁵ Из всех перечисленных органов и учреждений места лишения свободы регулярно посещают только сотрудники федеральных и региональных органов прокуратуры, федеральный и региональные уполномоченные по правам человека, а также члены общественных наблюдательных комиссий при Министерстве юстиции.

Предполагается, что сотрудники прокуратуры должны посещать места лишения свободы каждый рабочий день. В действительности, их посещения, по-видимому, носят формальный характер и редко выпадают на нерабочее время. Визиты федерального и региональных уполномоченных по правам человека, по всей видимости, менее предсказуемы, и могут иметь место, в том числе, по выходным дням. Омбудсмены могут заниматься делами отдельных граждан и обеспечивают возможность заключённым ознакомиться с материалами своих дел. Вместе тем, их полномочия ограничены по части санкций и в целом сводятся к передаче дел и вопросов на рассмотрение прокуратуры, а

⁴⁴ Текст законопроекта см. по адресу <http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf>

⁴⁵ Статья 24 (ч. 1) Уголовно-исполнительного кодекса РФ, а также статья 38 Федерального закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21.07.93 г. N 5473-И с изменениями от 8-го декабря 2003 г.

также к публикации докладов. Общественные наблюдательные комиссии учреждены приказом Министерства юстиции в августе 2003 года. По имеющимся данным, комиссии действуют в 30% регионов страны. Они состоят из представителей гражданского общества и наделены полномочиями посещать СИЗО и исправительные колонии, однако тоже не вправе налагать санкции.

Представители средств массовой информации и другие лица, в том числе независимые НПО, имеют право посещать СИЗО и колонии только при наличии специального разрешения администрации учреждения, поэтому любая программа посещений зависит от доброй воли администрации.⁴⁶ Региональные общественные палаты, как например в Республике Мордовии, также имеют право посещать места лишения свободы.

Посещение изоляторов временного содержания

Камеры предварительного задержания и изоляторы временного содержания (ИВС) – учреждения, наиболее закрытые для независимого контроля извне. Вместе с тем, ряду органов разрешается их посещать. Единого документа с перечнем таких органов не существует, однако право посещения предусмотрено различными федеральными законами, в которых изложены полномочия каждого органа. Сотрудники прокуратуры могут являться ИВС без уведомления, они имеют доступ к документам и возможность вызывать лиц для получения объяснений о правомочности действий работников ИВС.⁴⁷ Депутаты Госдумы также пользуются правом беспрепятственного входа в ИВС⁴⁸. Тем не менее, по словам бывшего депутата Валерия Борщёва, в последние годы всё меньше депутатов этим занимаются.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации имеет право беспрепятственно посещать все государственные учреждения, включая ИВС, а также запрашивать и получать документы, необходимые для рассмотрения жалобы.⁴⁹ Многие региональные омбудсмены также посещают ИВС на основании положений местных законодательных актов, которыми учреждён их пост. Тем не менее, основное внимание в ходе таких визитов, по-видимому, уделяется условиям содержания в ИВС, которые в некоторых случаях можно назвать «пыточными».⁵⁰ Как показывает практика, для того, чтобы посещать ИВС, омбудсменам, по-видимому, необходимо налаживать прочные рабочие отношения с сотрудниками правоохранительных органов и осуществлять широкий спектр деятельности. При этом она не должна быть посвящена исключительно делам отдельных граждан. Указанные обстоятельства ограничивают возможности уполномоченных по правам человека вмешиваться в ситуацию, а возможно и желание.

Некоторые НПО также посещают ИВС, но при наличии двусторонней договорённости с местными властями. Посещения при этом требуют уведомления, а договорённость может быть отменена⁵¹ Что касается ИВС, аналогов общественным

⁴⁶ Статья 24 (ч. 3) Уголовно-исполнительного кодекса РФ

⁴⁷ Статья 22 (ч. 1) Федерального закона «О Прокуратуре»

⁴⁸ Статья 5 (ч. 2) Федерального закона «О статусе депутата Государственной Думы» от 5-го июля 1999 г. № 133-ФЗ с изменениями от 9-го мая 2005 г., см. по адресу <http://www.duma.gov.ru/>

⁴⁹ Статья 23 (ч.ч. 1 и 2) Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», N 1-ФКЗ от 26-го февраля 1997 г.

⁵⁰ Например, см. доклад Уполномоченного по правам человека в Пермской области «Пермская область: нарушения прав граждан, выявленные в ИВС Березниковского и Соликамского УВД» по итогам визита 27-го июня 2006 г., по адресу <http://www.ombu.ru>, публикация от 24-го октября 2006 г.

⁵¹ Например, Пермский областной правозащитный центр, КПП Нижнего Новгорода

наблюдательным комиссиям, учреждённым в рамках Министерства юстиции для посещения СИЗО и исправительных колоний, не предусмотрено.

Препятствование работе превентивных механизмов контроля международного уровня

На международном уровне российские власти оказались неспособны в полной мере сотрудничать со Специальным докладчиком ООН по пыткам, а также с Комитетом по предупреждению пыток (ЕКПП). Кроме того, Российская Федерация не только не ратифицировала, но и не подписала Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, который предусматривает подчинение международному механизму контроля и создание независимого механизма на общегосударственном уровне.

В 1995 году по приглашению правительства России Специальный докладчик ООН по пыткам посетил изоляторы временного содержания, следственные изоляторы, а также исправительные колонии в Москве и Санкт-Петербурге.⁵² Несмотря на то, что в 2000 году Специальный докладчик оформил запрос на разрешение посетить Чеченскую Республику, его повторный визит в Российскую Федерацию до сих пор не состоялся. Визит Спецдокладчика в страну был намечен на октябрь 2006 года, но незадолго до запланированной даты был отложен, поскольку российские власти не согласились с кругом его полномочий, *«особенно в части посещений без уведомления и конфиденциальных бесед с задержанными»*.⁵³ Учитывая тот факт, что при выдвижении своей кандидатуры на выборы в Совет ООН по правам человека в мае 2006 года Россия сделала особый упор в своих обязательствах на *«активное сотрудничество»* со Специальными процедурами ООН и пообещала назначить дату визита в страну Спецдокладчика по пыткам, несогласие российских властей с объёмом полномочий докладчика вызывает крайнее разочарование.

Ратифицировав Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, российские власти обязались сотрудничать с Европейским комитетом по предупреждению пыток, в том числе предоставляя представителям ЕКПП доступ в любые места лишения свободы, подпадающие под юрисдикцию России. С момента ратификации ЕКПП посетил Российскую Федерацию 13 раз. В ходе визитов Комитет, помимо прочего, изучал проблему пыток и жестокого обращения с задержанными со стороны милиции, а также по итогам каждого визита составлял доклады и рекомендации российским властям. Вместе с тем, Российская Федерация разрешила опубликовать лишь один из тринадцати докладов ЕКПП. Россия – единственная страна в Совете Европы, которая регулярно препятствует огласке докладов ЕКПП. Тогда как она не обязана санкционировать их публикацию, другие государства-участники конвенции делают это в порядке установившейся практики. Генеральный секретарь Совета Европы и Парламентская ассамблея неоднократно призывали российские власти разрешить публикацию докладов ЕКПП. Более того, согласившись в целом на посещение представителями ЕКПП мест лишения свободы, Российская Федерация проявила значительную несостоятельность в части сотрудничества с ЕКПП, а именно — отказавшись предоставить доступ его представителям в места содержания под стражей на территории Чечни.⁵⁴

⁵² Документ ООН E/CN.4/1995/34/Add.1

⁵³ «Special Rapporteur on torture regrets postponement of visit to Russian Federation», от 4-го октября 2006 г., <http://www.unhchr.ch/hurricane/hurricane.nsf/view01/4FBC8B4AABF40CDFC12571FD003E28AB?opendocument>

⁵⁴ См. Заявления ЕКПП от 10-го июля 2001 г. и 10-го июля 2004 г., а также экстренное сообщение от 9-го мая 2006 г. по адресу <http://www.cpt.coe.int/en/states/rus.htm>

Рекомендации российским властям

- Правительству надлежит принять неотложные и решительные меры, которые бы продемонстрировали работникам милиции недопустимость применения пыток и жестокого обращения.
- Российским властям следует соблюдать обязательства, принятые в рамках международных соглашений о защите прав человека, и гарантировать лицам, лишённым свободы, право не подвергаться пыткам и другим видам жестокого обращения, в том числе обеспечив возможность получать юридическую помощь на всех этапах следствия по уголовным делам, гарантируя осмотр врачом по своему выбору, уведомляя родственников о задержании, а также соблюдая право задержанного незамедлительно быть доставленным к судье.
- Правительству необходимо обеспечить всестороннее сотрудничество с международными механизмами предотвращения пыток, в том числе немедленно разрешив публикацию докладов и рекомендаций ЕКПП, а также безотлагательно организовав визит в страну Специального докладчика ООН по пыткам.
- Правительству Российской Федерации следует подписать и ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также создать механизм инспектирования всех мест лишения свободы без уведомления, в том числе изоляторов временного содержания и следственных изоляторов, причём проверки должны проводить независимые и заслуживающие доверия инспекторы. Результаты подобных инспекций следует предавать огласке.
- Министерству юстиции надлежит немедленно отказаться от практики содержания подозреваемых и обвиняемых в местах, где они контактируют с осуждёнными.
- Властям необходимо немедленно закрыть все неофициальные места содержания под стражей на территории Северного Кавказа.
- В распоряжение работников милиции следует предоставить необходимые материально-технические ресурсы, а также обучить их профессиональным навыкам, необходимым для выполнения своих обязанностей. При этом в программу обучения в обязательном порядке необходимо включить раздел о правах человека.
- В соответствии с обязательствами Российской Федерации в рамках статей 2, 3 и 13 Европейской Конвенции о правах человека, Генеральной прокуратуре следует выработать стандарты независимого, эффективного, тщательного и незамедлительного расследования, а также организовать обучение сотрудников прокуратуры порядку расследования заявлений о применении пыток.